

«ПОЛИТИКА ПАМЯТИ VS ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ/СССР»¹

Поршнева Ольга Сергеевна

*доктор исторических наук, профессор
Уральский Федеральный университет
Екатеринбург*

Статья посвящена анализу политики памяти в отношении Первой мировой войны и ее взаимодействию с исторической памятью об этом событии в советской России/СССР. Характеризуется роль наиболее влиятельных акторов политики памяти, специфика их деятельности в процессе концептуализации и инструментализации опыта Первой мировой войны. Раскрывается особая роль политических кампаний, посвященных годовщинам и «юбилеям» событий 1914-1918 гг., в формировании образа «империалистической войны» в сознании населения. Анализируются факторы, определявшие как восприятие официального дискурса населением, так и сохранение стихийных и альтернативных по отношению к нему форм памяти о войне. Характеризуются эволюция политики памяти, корректировка образа войны и изменения в его использовании в пропаганде.

Ключевые слова: первая мировая война, Советская Россия/СССР, политика памяти, юбилеи

THE POLITICS OF MEMORY VS HISTORICAL MEMORY ABOUT WORLD WAR I IN SOVIET RUSSIA/USSR²

Porshneva Olga Sergeevna

*Doctor of History, Professor,
Ural Federal University
Yekaterinburg*

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00053). «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях».

² The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation (project No. 18-18-00053 "Politics of memory vs historical memory: Napoleonic Wars and the First World War anniversaries")

The article is devoted to the analysis of the politics of memory in relation to the First World War and its interaction with the historical memory of this event in Soviet Russia / USSR. The role of the most influential actors in the politics of memory, the specifics of their activities in the process of conceptualization and instrumentalization of the experience of the First World War are characterized. The special role of political campaigns dedicated to the anniversaries of the events of 1914-1918 is revealed, in shaping the image of the “imperialist war” in the minds of the population. The factors that determine both the perception of official discourse by the population and the preservation of spontaneous and alternative forms of memory of the war are analyzed. The evolution of the politics of memory, the adjustment of the image of war and changes in its use in the propaganda are characterized.

Key words: world War I, Soviet Russia/USSR, politics of memory, anniversaries

Создание системы институтов, занимавшихся исторической памятью, стало важным инструментом управления обществом в советской России. Большевикам необходимо было обосновать не только свою пораженческую позицию в период войны, но и перспективу, обозначившуюся перед страной после Октябрьского переворота 1917 г. Этой цели служила концептуализация мировой войны, опирающаяся на ленинскую теорию империалистических войн, ведущих к гибели буржуазного мира [6]. Ленинские идеи об империалистических войнах получили в 1920-е гг. развитие в трудах М.Н. Покровского, который остро поставил вопрос о виновности царского правительства в возникновении войны и впервые назвал мировую войну «забытой» для России [9, с. 7 - 14].

Главными акторами политики памяти в советской России и СССР были руководящие, агитационно-пропагандистские и научно-просветительские структуры Коммунистической партии и Советского государства.

В 1920-30-е гг. Агитпроп ЦК РКП (б)/ ВКП(б) разрабатывал материалы, предназначенные к использованию в ходе политических кампаний, приуроченных к годовщинам мировой войны, в системе подготовки кадров и массового политического просвещения. В них, помимо готовых пропагандистских текстов, содер-

жались фрагменты статей В.И. Ленина и других лидеров революционного движения, документы Коминтерна, статистические материалы, карикатуры, отрывки из литературных произведений антивоенного характера.

Официальный дискурс о войне был ярким воплощением деиндивидуализации, «а-историзации» и политизации памяти, использовавшимися как средства ее переформатирования, создания новой коллективной памяти. В пропаганде тенденциозно трактовались или вовсе замалчивались многообразные поведенческие практики периода войны, включавшие героическое самопожертвование на фронте и подвижничество в тылу, добровольчество, благотворительность.

Значимую роль в концептуализации Первой мировой войны сыграла созданная в 1920 г. Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП (б) - Истпарт, собиравший документы по истории революционной России. Ведущим в его деятельности оказался подход, в соответствии с которым весь предшествующий период рассматривался как прелюдия к Октябрьской революции [14, с. 104].

Одним из влиятельных акторов политики памяти была Рабоче-Крестьянская Красная армия (далее – РККА). Ее руководство было заинтересовано в изучении опыта мировой войны в интересах подготовки страны к будущей войне, укрепления ее обороноспособности, боевого духа, совершенствования стратегии, тактики, вооружений. С этим было связано создание «Военно-исторической комиссии по описанию войны 1914-1918 гг.», на которую возлагалась задача изучения войны «с целью практического использования ее опыта» [РГВА. Ф.7. Оп. 5 Д. 66. Л. 2-12, 23; 13, с. 27]. Помимо сугубо практических, Комиссия выполняла научно-академические функции: собирание архивных документов, написание и издание трудов по истории Первой мировой войны, выпуск журнала «Военно-исторический сборник», проведение лекций [РГВА. Ф.7. Оп. 5 Д. 66. Л. 33, 79об, 179-185; 12, с. 4-6; 13, с. 28-36]. Глава Комиссии, бывший генерал царской армии А.А. Свечин ставил задачу сохранения памяти о героическом самопожертвовании русской армии в годы мировой войны, культивировании воинской доблести во имя будущих побед [12, с. 6]. Изучение опыта мировой войны в межвоенный период было

продолжено работниками Военно-исторического отделения Генерального штаба РККА, создававшими труды по ее стратегическим и тактическим аспектам, истории военных операций.

В формировании нового исторического сознания населения постреволюционной России особую роль играли массовые празднества, одним из видов которых были юбилеи. Именно в первой половине 1920-х гг. подготовка к юбилеям стала сопровождаться постановлениями ЦК РКП (б), в которых определялись не только формы празднования, характер юбилейных мероприятий, но и формулировались определенные позиции и оценки, которые должны были стать основой идейного содержания всей литературы, всех выступлений, посвященных юбилейным датам [1, с. 53].

Влиятельным актором политики памяти до сер. 1930-х гг. был Коминтерн, Исполнительный Комитет которого выступал в роли аналитического и политического центра, предлагавшего концептуализацию войны, организовывавшего массовые коммеморации. Коминтерн инициировал и возглавил главную юбилейную коммеморацию межвоенного периода, посвященную Первой мировой войне – массовую кампанию «Неделя борьбы против империалистических войн», проводившуюся в 1924 г. с 27 июля по 4 августа в ознаменование 10-летия начала войны и «краха Второго Интернационала» [РГВА. Ф. 9. Оп. 13. Д. 369. Л. 63]. В ходе Недели, особенно в назначенный для демонстраций день 3 августа, проходили массовые манифестации в городах СССР, сопровождавшиеся театральными постановками, политсудами над виновниками войны, полит-играми, карнавальными шествиями.

Переформатирование исторической памяти происходило в процессе вовлечения бывших участников мировой войны в специально созданные «сверху» ветеранские организации, координации их общественно-политической активности [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 30. Д. 83. Л. 4. Д. 281. Л. 1-2. Д. 401. Л. 194]. «Форматирование воспоминаний» осуществлялось в рамках целого ряда политических кампаний, связанных с юбилеями и годовщинами Революции, Первой мировой, Гражданской войны, Красной армии. Истпартом и другими научно-пропагандистскими и политико-идеологическими структурами задавался алгоритм воспоминаний, часто в виде перечня вопросов, помогающих связать описание событий 1914-1920 гг. в единый военно-революционный нарратив.

При этом расходившиеся с официальными свидетельства о войне, о бытовавших настроениях и действиях людей в тот период зачастую «прорывались» в них [7, с. 97; 10]. Главным методическим приемом организации коммемораций стало соединение памяти о мировой войне с памятью о Революции и Гражданской войне, дискурс, посвященный «империалистической войне», не должен был выстраиваться отдельно, но обязательно подчиняться логике мифа о Революции. Эту установку хорошо улавливали участники официального организованных вечеров воспоминаний, а также те, кто откликался на призыв прислать воспоминания для публикации [РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Д. 98. ЛЛ. 9-26].

Отсутствие массовых описаний военного опыта, расходившихся с официальным дискурсом, объясняется, однако, не только страхом репрессий, воздействием большевистской пропаганды, но и общим разочарованием в войне, психологическими механизмами забвения и сознательного переформатирования памяти, включавшими вытеснение травмирующих воспоминаний, принятие мотива отмищения классовым врагам.

Регулярно проводившейся кампанией, специально посвященной годовщинам «империалистической войны» и предполагавшей организацию публичных коммемораций, с 1929 г. стал Антивоенный День 1 августа. С его введением связана милитаризация практик коммемораций, посвященных «империалистической» войне, отражавшая общую тенденцию эволюции праздничной культуры на рубеже 1920-30-х гг. [11, с. 97-110]. Частью праздничной программы с этого времени стали парады физкультурников и осовиахимовцев [8, с. 19].

В 1920-30-е гг. ностальгические настроения по отношению к дореволюционному прошлому, тщательно фиксировавшиеся органами политического контроля, свидетельствовали о бытовании живой памяти, не укладывавшейся в рамки официального мемориального дискурса [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 69. Л. 95; Оп. 3. Д. 126. Л. 1. Д. 128. Л. 146; Оп. 5. Д. 26. Л. 106; 4, с. 53, 201-202, 214]. Многие из советских людей в период репрессий 1930-х гг. продолжали хранить принадлежащие к «небезопасному» прошлому предметы и документы, в том числе относящиеся к «империалистической войне». Причиной ареста могли быть не только награды, но и сохраненные фотографии с изображением людей в форме царской армии [2, с. 50, 54]. Все это говорило о трудно-

стях, с которыми сталкивались власти в процессе переделки исторического сознания людей.

Изменение общественно-политической конъюнктуры – нарастание реальной угрозы войны после прихода Гитлера к власти в Германии, попытки СССР создать систему коллективной безопасности, его вступление в Лигу наций, крах надежд на скорую мировую революцию, – обусловили своеобразие юбилейного дискурса 1934 г. В нем появилась пацифистская риторика, он отличался многоаспектностью и неоднозначностью, более сложным взглядом на мировую войну писателей и публицистов [16, р. 181, 235]. В дискурсе 1930-х гг., посвященном «империалистической» войне, как и в целом в политической лексике этого периода, одновременно существовали национальные и антивоенные элементы, пропагандировался «советский патриотизм» как приверженность социалистическому отечеству, готовность встать на его защиту. Корректировка концепции войны, изменения в определении ее виновников, роли России в составе Антанты были закреплены в «Кратком курсе истории ВКП (б)», вышедшем в 1938 г., где делался акцент на англо-германских противоречиях как главном факторе конфликта держав, а роль России определялась как зависимая от Англии и Франции [5, с. 155].

В публикациях, приуроченных к 1 августа 1939 г., Германия уже называется «главным зачинщиком» кровопролития [Уральский рабочий. 1939. 1 августа]. В пропагандистском дискурсе появляется новый образ героической доблести русской армии, простого русского солдата в годы «империалистической» войны [Красная звезда. 1939. 1 августа].

В период Великой Отечественной войны образ Первой мировой использовался в интересах патриотической мобилизации, подчеркивались общие черты германского империализма и нацистского экспансионизма, а опыт Красной армии связывался с опытом Русской армии в годы Первой мировой войны и значимостью Восточного фронта [Правда. 1942. 31 июля].

В послевоенный период Первая мировая война была вытеснена на периферию общественного сознания не только образом Революции, но и Великой Отечественной войны, ставшей новым основанием легитимности советского строя и по своему значению с 1970-х гг. вытеснявшим в этом качестве миф о Революции. Первая мировая война оставалась более полезной в своей симво-

лической функции, а не историческим содержанием, в официальном дискурсе после 1945 г. 1 Августа снова стало антивоенным символом, но интерпретирующем более тонко и в общем виде уроки о пагубности войны и ее бедствий [15, р. 83]. Однако это не означает, что память о Первой мировой войне вообще исчезла из общественной жизни. Можно выделить три ключевые символические структуры, делавшие возможным обращение к Первой мировой: исторические традиции Советской армии, предыстория Великой Октябрьской социалистической революции и биографии выдающихся граждан СССР (3, с. 502-512). Война не была полностью «забыта», но те смыслы, которые вкладывались в нее, не способствовали практикам ее увековечения, а ее материальное наследие подвергалось фактическому забвению. Вытеснению памяти о Первой мировой на периферию «поспособствовало» и отсутствие ярких художественных образов, воплощающих войну и ее опыт (3, с. 506).

Возрождение памяти о Первой мировой войне и общественного внимания к ней в России, включение ее в актуальную политическую и культурную повестку началось в 1990-е гг. и стало особенно значимым в связи со 100-летним юбилеем ее событий.

Список литературы

1. Алексеева Г.Д. Историческая наука в России после победы Октябрьской революции // Россия в XX веке : Судьбы исторической науки. М.: Наука, 1996. С. 43-58.
2. Быкова С.И. «Наказанная память»: свидетельства о прошлом в следственных материалах НКВД // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2009. № 2 (64). С. 38-54.
3. Война, политика, память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев / коллектив авт.; под ред. О. С. Поршневой (отв. ред.), Н. Н. Баранова, В. Н. Земцова. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2020.
4. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. / Отв. ред. А.К. Соколов. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997.
5. История коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Изд-во ЦК ВКП (б) «Правда», 1938.
6. Ленин В.И. Социализм и война // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 307-350.

7. Никонова О.Ю. Воспитание патриотов: Осоавиахим и военная подготовка населения в уральской провинции (1927-1941 гг.). М.: Новый хронограф, 2010.
8. Никонова О. Ю., Раева Т. В. Первая мировая война в праздничной коммеморации раннесоветской эпохи // Проблемы истории российского социума: Труды межвуз. науч.-практ. конф. Преподавателей вузов, ученых и специалистов. Челябинск, 2011. С. 4-23.
9. Покровский М.Н. Империалистская война. 1915-1930. Изд. 3-е. М.: URSS, 2010.
10. Пролетарская революция в г. Оренбурге 1917 г. К 10-летию Октябрьской революции. Воспоминания участников на вечерах Истпарта. Оренбург: Истпартотдел Губкома ВКП(б), 1927. Вып. 1.
11. Рольф М. Советские массовые праздники. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2009.
12. Свечин А.А. Труды Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914-1918 гг. Военно-исторический сборник. Вып. 1. М., 1919.
13. Тархова Н.С. Как создавалась история Первой мировой войны (О деятельности Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914-1918 гг.) // Последняя война Российской империи. Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. М.: Наука, 2006. С. 27-36.
14. Шашкова О.А. Истпарт в системе советской исторической науки и пропаганды // Предваряя Революцию: книжные, архивные и музейные коллекции: материалы научно-практической конференции Третьи Рязановские чтения (19 февраля 2016). М., 2017. С. 104-114.
15. Cohen Aaron J. Oh, That! Myth, Memory, and World War I in the Russian Emigration and the Soviet Union // Slavic Review 62. № 1 (Spring 2003)
16. Petrone Karen. The Great War in Russian Memory. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2011. 385 p.